

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.12>

Цубикова Любовь Сергеевна

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ КРАЕ В 1920-1930-Е ГОДЫ

В статье рассматриваются вопросы земельной политики и землеустройства на территории Восточно-Сибирского края в 1920-1930-е годы, отмечены особенности и проблемы трансформации земельных отношений в данном регионе, выделены этапы и мероприятия земельной реформы, описаны выстраивание арендных отношений, проблемы освоения земель при переселении. Автор приходит к выводу, что в целом процессы землеустройства способствовали расширению деятельности коллективных хозяйств, усилению социальной напряженности в деревне и государственного контроля над жизнью в деревне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/1/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 57-61. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

12. **Стахановское движение** // Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 13. Стлб. 817-818.
13. **Темляков В. Е.** Железные дороги Кубани в годы первой пятилетки: проблема неэффективности работы и поиск путей ее решения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 1. С. 62-66.
14. **Темляков В. Е.** Железные дороги Кубани в период второй пятилетки: задачи перестройки режима функционирования и трудовые достижения рабочих // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 89-93.
15. **Темляков В. Е.** Политические репрессии 1930-1941 гг. в отношении руководящих и рядовых кадров Краснодарского отделения Северо-Кавказских железных дорог // Социально-гуманитарный вестник: всероссийский сб. науч. тр. Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2015. С. 37-43.
16. **Темляков В. Е.** Трудовой и ратный подвиг железнодорожников Кубани в годы Великой Отечественной войны // Социально-гуманитарный вестник: всероссийский сб. науч. тр. Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2013. С. 31-42.
17. **Хакимов Р. Ш.** Эксплуатация энтузиазма: советский опыт (1918-1991) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2 (384). С. 182-189.
18. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).** Ф. 653. Оп. 1.
19. **ЦДНИКК.** Ф. 1072. Оп. 1.
20. **ЦДНИКК.** Ф. 1361. Оп. 1.

THE STAKHANOVITE MOVEMENT ORIGIN AT THE KUBAN RAILWAYS (1935-1936)

Temlyakov Vladimir Evgen'evich

*Kuban State Technological University, Krasnodar
North Caucasian Technical College "Knowledge", Krasnodar
temlyakov2015@yandex.ru*

The article deals with the Stakhanovite-Krivoson movement formation among the Kuban railway workers in 1935-1936. The role of the government and management in the Stakhanovite movement spread among the Azov – Black Sea Railway workers (ABSR) is shown. This movement initiators are named, the difficulties that the first railway workers – Stakhanovites faced are considered. The analysis of achievements and problems in the development of the railway workers' labour and production activity is given. The Stakhanovites' number at the ABSR is presented. It is concluded that the Stakhanovites' work had a significant impact on improving the results of the ABSR production activity.

Key words and phrases: The USSR; Kuban region; Azov – Black Sea Railway; Stakhanovite-Krivoson movement; Second Five-Year Plan; railway workers; labour achievements; rationalizers; labour productivity; political-educational work.

УДК 94(57)

Дата поступления рукописи: 31.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.12>

В статье рассматриваются вопросы земельной политики и землеустройства на территории Восточно-Сибирского края в 1920-1930-е годы, отмечены особенности и проблемы трансформации земельных отношений в данном регионе, выделены этапы и мероприятия земельной реформы, описаны выстраивание арендных отношений, проблемы освоения земель при переселении. Автор приходит к выводу, что в целом процессы землеустройства способствовали расширению деятельности коллективных хозяйств, усилению социальной напряженности в деревне и государственного контроля над жизнью в деревне.

Ключевые слова и фразы: землеустройство; земельная политика; колхозы; сельское хозяйство; крестьянство; Восточно-Сибирский край.

Цубикова Любовь Сергеевна, к.и.н., доцент

*Ангарский государственный технический университет
lkor11@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ КРАЕ В 1920-1930-Е ГОДЫ

История землеустройства и землепользования 1920-1930-х гг. получила широкое освещение как в общероссийской, так и в сибирской исторической литературе [9-11; 14; 15; 17; 19; 20]. При этом это одна из многогранных тем в истории, поскольку затрагивает и соединяет в себе разные аспекты социального, политического, экономического, культурного характера, через ее призму изучают политику коллективизации, раскулачивания, переселенческие и миграционные процессы и др. Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно освещены вопросы и выявлены особенности реализации землеустройства и землепользования на практике, на примере отдельных территорий, в частности в Восточно-Сибирском крае.

Цель данной публикации – на основе выявленных архивных документов рассмотреть трансформацию земельных отношений в восточносибирской деревне в 1920-1930-е гг. Для ее решения поставлены задачи: выделить этапы землеустройства, определить законодательную базу, показать влияние земельной политики государства на арендные, социальные отношения на селе, процессы переселения, развитие колхозов и совхозов.

Источниковой основой работы послужили как опубликованные архивные материалы, так и документы, вводимые в научный оборот впервые. Выявленные документы позволили уточнить региональную специфику реализации земельной политики в восточносибирской деревне.

В целом, изучая документы и процессы землеустройства, можно выделить два периода в проведении земельной политики.

Первый – с 1920 по 1927 гг., для него характерно расширение земельного фонда и организация землеустройства в преимущественном праве для коллективных хозяйств. Последние были представлены следующими видами: сельскохозяйственная коммуна, земледельческая артель, товарищество по совместной обработке земли. Нужно отметить, что коллективные хозяйства были и до 1917 г. Так, например, в Иркутском округе в довоенное время было 11 сельскохозяйственных товариществ [5, д. 525, л. 67].

В конце 1919 г. – начале 1920 г. в Восточно-Сибирском крае по мере закрепления на её территории советской власти началось распространение единого законодательства и формирование новых органов власти. При Сибревкоме был образован Сибземотдел, а также созданы губернские и уездные земельные отделы. Произошла реорганизация старых структур. Так, в 1920 г. статистические отделы бывшей Губернской земской управы и Иркутского переселенческого района со всеми принадлежащими им делами, имуществом и штатом служащих перешли в ведение Губернского земельного отдела (Губземотдел) [1, д. 14, л. 9].

Местные нормативно-правовые документы, повторяя положения общереспубликанских, фиксировали: «...сделки на землю уничтожаются; существующие земельные договоры, в том числе арендные, расторгаются. Все частновладельческие и монастырские земли, находящиеся на территории Иркутской губернии, объявляются собственностью государства и переходят в заведывание и распоряжение местных земельных отделов...» [Там же, л. 15]. Одним из ведущих документов, регулирующих вопросы землепользования, стало постановление ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» [18], которое рассматривало «все виды единоличного пользования как преходящие и отживающие» и акцентировало внимание населения и власти на распространении крупных советских хозяйств, коммун, товариществ по совместной обработке земли.

В документах присутствовал классовый подход, например, «Инструкция по организации и регистрации сельско-хозяйственных коммун и трудовых артелей», изданная в 1918 г., запрещала образовывать таковые, если их членами были «граждане, живущие на нетрудовой доход, капиталисты, кулаки, бывшие помещики, бывшие жандармы, бывшие полицейские и охранники, священники и служители религиозных культов...» [1, д. 14, л. 73]. При этом, кардинально пересмотрев основы земельной политики, власть, предопределяя наперед возможные последствия отказа крестьянства от занятия земледелием (полного или частичного), обязала губернские земельные отделы сохранять земельные площади и предупреждала местное население, что будет рассматривать сокращение посева до производительности, равной собственному потреблению, без законных на то оснований как «государственное преступление, ответственность за которое будет лежать как на самих сельских хозяев, так и на всех местных земельных органах, допустивших подобный случай» [Там же, л. 16].

Право на землепользование осуществлялось в двух вариантах: в составе земельного общества (сельскохозяйственные коммуны, артели, добровольные объединения дворов и другие) и отдельно без вхождения в его состав. Земельный кодекс 1922 г. оговаривал минимальное число членов земельного общества – 15 взрослых трудовых земледельцев, которые могли по взаимному соглашению образовывать одно земельное общество и объединяться в союзы.

Формами землепользования земельных обществ были: общинный, участковый и товарищеский. В Восточной Сибири преимущественно было за общинным землепользованием.

Наименьшей организационной единицей села являлось трудовое земледельческое хозяйство – двор, который мог состоять и из одного человека, в том числе несовершеннолетнего (при установлении опеки). Войти в него можно было в результате брака и (или) приймачества. Причем право на землю в предыдущем дворе, если таковая имелась, терялось.

Закон предусматривал раздел трудовых земледельческих хозяйств с выделением земель при условии образования новых хозяйств. Запрещалось разделять хозяйства на «слишком мелкие» земельные единицы. Установленные нормы «недробимости» не давали уменьшить хозяйство до бедняцкого уровня и, соответственно, не создавали возможности уйти от уплаты сельхозналога.

Декларация Сибревкома «О порядке наделения и пользования землей» (март 1920 г.) разрешала аренду земли [5, д. 59, л. 1 об.]. В дальнейшем условия ее сдачи (временной переуступки прав на пользование) более детализированно были определены в постановлении ВЦИК от 22 мая 1922 г., «Законе о трудовом землепользовании» [12] и Земельном кодексе РСФСР 1922 г. [13]. Так, для трудовых хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий (неурожая, пожара, падежа скота и т.п.) или недостатка инвентаря или рабочей силы (за смертью, временным отходом из хозяйства на трудовые заработки, призывами мобилизации, общественной работы и пр.), допускалась аренда всей или части земли в аренду. Первоначально аренда разрешалась на срок не более одного севооборота (в дальнейшем была продлена до двух), а при отсутствии правильно севооборота на срок не более трех лет (продлена до 12 лет). Арендовать можно было земли столько, сколько хозяйство смогло бы обработать собственными силами. С 1922 г. позволялось применять наемный труд.

Арендные отношения активно использовались в Восточной Сибири до начала сплошной коллективизации. В 1926 г. было проведено обследование двух селений Иркутского округа Малой Еланки и Малышевки. В результате выяснилось, что из 252 хозяйств 51 (20,2%) использовало аренду пашни и сенокосных угодий, причем не только в своих селах (41 – 80,3%), но и в соседних (10 – 19,7%). Арендывали землю преимущественно

средняцкие и бедняцкие хозяйства, тогда как ее сдача «превалировала у бедняцких хозяйств». Земля сдавалась как краткосрочно (до 1 года), так и долгосрочно (до 3-6 лет). Способы арендной платы в Иркутской губернии (с июня 1926 г. – области) были различными: за обработку, за деньги, за продукты (натуральный), ипольный и смешанный [5, д. 59, л. 1 об.]. Средний размер арендной платы по Иркутскому округу в 1926 г. составил 7 рублей 48 копеек и варьировался в диапазоне от 2 до 10 рублей за десятину [Там же].

Спорным для крестьян был вопрос уплаты сельхозналога при арендных отношениях, поскольку нормативно-правовые акты его не регулировали. Из 51 рассмотренного хозяйства приведенного выше обследования в 24 случаях сельхозналог уплачивал арендатор, а в 17 – арендодатель. В целом, инспектор, проверивший хозяйство Малой Еланки и Малышевки, резюмировал: «...сложившиеся арендные отношения нельзя считать эксплуататорскими, сдача земли носит трудовой характер и на развитии производительных сил в сельском хозяйстве либо на укреплении отдельных крестьянских групп не сказывается» [Там же, л. 30 – 31 об.].

Согласно Земельному кодексу, процедура аренды должна была регистрироваться местными органами власти, но практика показывала, что крестьяне старались обходиться устной взаимодоговоренностью, особенно если это касалось краткосрочной аренды.

Особенностью Сибирского края стало переселение крестьян из других регионов страны. Практика колонизации предыдущих лет показала, что переселенческая волна, идя с Запада на Восток, оседала, прежде всего, в Западной Сибири и лишь незначительно дошла до Восточной. Со второй половины 1920-х гг. государство активно контролировало процессы переселения. Ставилась задача увеличения емкости колониционного фонда. Его подготовка в необжитых районах являлась работой длительного характера и определялась временем от начала обследования до открытия района под заселения в 6-7 лет. Подготовительные работы заключались в общем и детальном обследовании, оборудовании агрометеорологической сети предназначенных под колонизацию территорий, съемке территории, отграничении участков, разбивке усадеб, проведении дорог, гидротехнических изысканиях, подготовке лесных площадей под пашню и других подготовительных технических и научно-исследовательских работах [Там же, л. 4 – 11 об.].

Земля переселенцам выделялась в надел, но также могла ими самостоятельно арендоваться. Только за один месяц, в мае 1927 г. Иркутской колониционно-переселенческой партией было принято 175 семей с разных уголков страны (бывшие губернии – Акмолинская, Амурская, Витебская, Вологодская, Вольнская, Воронежская, Вятская, Иркутская, Казанская и др.). Из них 94,2% – пользовались исключительно наделной землей, 0,6% – арендованной и 5,2% – наделной и арендованной. В среднем на одно хозяйство приходилось 4,8 десятины земли [Там же, д. 531, л. 93].

В 1930-е гг. активно стало практиковаться переселение в Восточно-Сибирский край демобилизованных красноармейцев и их семей, а также колхозников из других краев, областей и республик.

Со второй половины 1920-х начинается активное и массовое строительство колхозов. Данные того же Иркутского округа показывают следующую динамику их роста: 1925 г. – 14, 1926 г. – 15, 1927 г. – 24, 1928 г. – 120 [Там же, д. 525, л. 1, д. 1058, л. 80]. Архивные документы фиксируют, что в восточносибирской деревне большее распространение получила земледельческая артель.

Особенностью восточносибирских территорий по сравнению с западными землями была их низкая освоенность. Несмотря на то, что задача «расширения землеустройства» была поставлена еще в 1919 г., активно она начала прорабатываться с середины 1920-х гг. Помимо условий Гражданской войны, можно назвать следующие проблемы в процессе землеустройства: исторически сложившееся захватно-подворно-родовое пользование землей, скудность дворов в местах поселения, наличие дальнеземелья и чересполосицы, неоднозначное отношение к переделам со стороны населения, отсутствие специалистов (агрономов, землемеров, мелиораторов) и текучесть их кадров, проведение землеустройства за счет населения. Последний фактор особенно обременял крестьян. Тарифы, утвержденные Сибкрайревкомом на 1925/26 г. за десятину, составляли: за межселенное землеустройство – 30 коп., за отвод земель учреждениям, предприятиям, городам, поселкам, выселкам и коммуна – 60 коп., за разверстание земель на широкополосицу – 80 коп., за разверстание на хутора и отруба – 1 руб., за выдел хуторов и отрубов числом не более пяти – 1 руб. 60 коп., за земельную регистрацию без землеустроительных действий в натуре – 6 коп. [Там же, д. 59, л. 47]. При этом была разработана система льгот, в первую очередь для маломощных хозяйств, которые получали помощь в форме кредитов Сельбанка. На нужды землеустроительного кредита было отпущено в 1925 г. для всего населения 34 214 руб., что составило 61% от стоимости работ, в 1926 г. – 53004 руб. или 55%. В 1925 и 1926 гг. за счет бюджета при землеустройстве бедняков было оплачено по 11% от стоимости проведенных земельных работ [Там же, д. 525, л. 38].

Землеустройство в Сибири, так же, как и по всей стране, имело два направления – межселенное и внутриселенное. Межселенное землеустройство охватывало несколько селений и чаще всего было преддверием внутриселенного. Его задачами были: устранение цельноземелья, разрешение споров между обществами (по вопросам вклинивания, чересполосицы и т.д.), установление земельным обществам «незыблемых прав на землю». Чаще всего межселенное землеустройство производилось за счет внешнего финансирования, а не за счет крестьянства. И в большинстве случаев население относилось к этому благожелательно.

Внутриселенное землеустройство было необходимо при формировании сельскохозяйственных артелей, коммун и других коллективных образований, при пересмотре нормативов пользования землей отдельными хозяйствами (при уравнивании сельскохозяйственных угодий между дворами по едокам, при выделении приусадебных участков и т.д.). Малообеспеченные землей группы крестьян инициировали вопрос об увеличении своих хозяйств. Оно могло происходить за счет изъятия земель у зажиточных слоев. Последние, в свою очередь, выступали противниками таких изменений [Там же, д. 526, л. 51 об.]. Именно этот вид

землеустройства чаще всего способствовал обострению и складыванию конфликтных отношений между социальными группами – бедняками, середняками, зажиточными и кулаками. Документы описывают и такие случаи, когда бедняк отказывался получать пашню своего соседа – «трусил», и тогда земля оставалась у прежнего хозяина в том количестве, в каком он владел ею до «передела». Были и обратные случаи, когда от бедняка отрезали лучшую землю для соседа-середняка и этот сосед «стеснялся» ее принять (Усть-Удинский район, 1928 г.) [Там же, д. 938, л. 63-64]. С 1928 г. землеустройство бедняцких, маломощно-середняцких и всех коллективных хозяйств производилось за государственный счет.

С 1928 г. и до конца 1930-х гг. – второй период, связанный с земельной реорганизацией и активным освоением новых площадей, на которые повлияли процессы сплошной коллективизации, раскулачивания, иницированное «сверху» массовое слияние коллективных хозяйств в более крупные, внедрение деятельности совхозов и др.

Политика объединения коллективных хозяйств отражалась на землеустройстве села. Так, в отчете за 1929 г. по Иркутскому округу отмечалось: «В Черемховском районе, коммуна “Красная Звезда” перестраивалась три раза и намечено четвертое землеустройство» [Там же, д. 1058, л. 88].

Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Общие начала землепользования и землеустройства» назвало примером лучшего ведения хозяйства – советское хозяйство. В 1929 г. в Восточно-Сибирском крае было образовано три советских хозяйства, в 1930 – 21 хозяйство, в 1931 – 73. Удельный вес совхозного сектора к общей посевной площади в 1930 г. был равен – 1,01%, общая площадь землепользования составила 1 930,0 тыс. гектаров [3, д. 244, л. 58].

Важную роль во втором этапе сыграл 1930 г., который связан с активизацией процессов землеустройства, на что повлияли следующие события и решения. Во-первых, основанием стали миграционные процессы в рамках раскулачивания (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 5 февраля 1930 г.). Восточная Сибирь явилась территорией как водворения переселяемых кулаков из других районов страны, так и их внутреннего переселения. В октябре 1930 г. было сформировано Восточно-Сибирское переселенческое управление. Согласно «Временному положению об оперативных отрядах сибирского районного переселенческого управления», для непосредственного производства работ по подготовке земельных территорий с целью использования их под заселение организовывались «оперативные отряды СибРПУ». Они должны были выполнять весь комплекс работ по подготовке фонда и по его хозяйственному обслуживанию (дорожные, мелиоративные, землеотводные, сельскохозяйственные), а также операции зачисления, водворения и хозобслуживания переселенцев на территории отряда [4, д. 31, л. 20]. Земли, подготовленные в короткие сроки для спецпереселенцев, характеризовались удаленностью от центров, отсутствием дорог, условий для проживания и занятия сельским хозяйством.

Во-вторых, важную роль в вопросах землеустройства и землепользования сыграли Примерные уставы сельскохозяйственной артели 1930 г. и 1935 г., которые предоставили колхозникам возможность иметь участок приусадебной земли. По Уставу 1935 г. размер участка мог составлять в среднем от 0,25 га до 0,5 га, а для отдельных районов – до 1 га. Для решения вопроса обеспечения земель колхозов предполагалась «отрезка лишних» (до 10%) от земель, занимаемых единоличниками. Взамен последние могли выделяться полевые участки, расположенные за массивами земель колхоза, в концах полей севооборота, даже если эти земли были не лучшего качества. Также документы регламентировали размер приусадебной земли единоличных хозяйств, который не должен был превышать размера земли колхозника в соответствующем районе.

В-третьих, продолжился начатый в 1920-е гг. процесс объединения колхозов. Из «Проекта по слиянию колхозов Иркутского округа в 1930 г.»: объединить в Иркутском районе колхозы «Имени Ильича» и «Весенние всходы» в один, в Жигаловском районе – «Знаменская» и «Свободная Сибирячка» в один, в Усольском районе – «Новая Заря», «Первомайский», «Имени Ружникова» и «Восход» – в два, в Черемховском районе – «1-го Мая», «им. Сталина», «Красный Октябрь» и «Молодая Гвардия» – в два и т.д. [3, д. 6, л. 6]. Погоня за слиянием, расширением, образованием новых колхозов и совхозов приводила к запутанным ситуациям, когда земли находились в зоне спора не только индивидуальных и коллективных хозяйств, но и самих коллективных. В разрешении этого вопроса важную роль сыграло Постановление ВЦИК и СНК СССР от 3 сентября 1932 г. № 1356 «О создании устойчивого землепользования колхозов». По нему запрещалось местным органам власти производить какие бы то ни было отрезки земель, находящиеся в пользовании колхозов, для совхозов и колхозов без особого постановления в каждом отдельном случае Высшей земельной комиссии.

В-четвертых, была поставлена задача образования широкой сети МТС. Так, в 1931 г. В Восточно-Сибирском крае появилось 11 МТС, в 1932 г. – 51 [6, д. 10, л. 13]. Их также необходимо было регистрировать и определять им земельные участки.

В-пятых, на землеустроительные процессы повлияла статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в газете «Правда» 2 марта 1930 г., где были даны разъяснения о добровольности колхозного движения и о неправильности их «насаждения силой». Считается, что именно она выступила детонатором массовых выходов крестьян из колхозов весной 1930 г. С середины марта по июнь уровень коллективизации в Сибирском крае понизился более чем в 2,5 раза (с 52,9 до 19,8%) [16, с. 236]. Как результат – полный распад некоторых колхозов. Сводки сообщали: «Там, где применялись насильственные методы коллективизации, там был или полнейший разброд коммун, или массовые групповые выходы из коммун» [8, д. 125, л. 44]. Так, например, Киренский район столкнулся с проблемой полного развала некоторых коммун («Подбельник», «Баньшиково», «Могом» и др.), из ряда обществ вышло около половины и более членов: из Березовской коммуны – 66%, Осинской – 85%, Кривошугской – 51% и др. За время с 20 марта по 20 апреля 1930 г. из колхозов Восточной Сибири вышло 80,3 тыс. хозяйств и распалось 416 колхозов или 25,9% к общему числу их на 20 марта [3, д. 177, л. 78].

Со второй половины 1930 г. в Восточно-Сибирском крае активизировались процессы коллективизации: на 20 ноября 1930 г. она составила 17,6%, на 1 января 1931 г. – 17,6%, на 1 февраля 1931 – 20,9%, на 30 мая 1931 г. (без БМАССР) – 37,3%, на 20 июля 1931 г. (без БМАССР) – 41,0%, на 1 ноября 1931 г. (без БМАССР) – 45,3%, на 20 декабря 1931 г. (без БМАССР) – 55,8%, на 10 февраля 1932 г. – 55,3%, на 1 февраля 1932 – 55,3%, на июль 1935 – 85,6% [3, д. 242, л. 94, д. 244, л. 64, д. 461, л. 2, 46, д. 463, л. 23; 6, д. 277, л. 178]. На 1 января 1934 г. по краю числилось 4471 колхозов [3, д. 1292, л. 25].

В-шестых, налоговая система с ее меняющимися прогрессивными ставками, разрушающими крупные, зажиточные хозяйства, и льготами – для малоземельных, бедняцких хозяйств заставляла население все время балансировать: одни стремились увеличить свой земельный надел до степени «непопадания в кулаки», другие – сокращали свои посевы с целью получения льгот. Земли последних становились источником расширения посевных площадей для коллективных хозяйств, бедняцких.

Таким образом, за 1920-1930-е гг. государством были проведены глобальные изменения в области регулирования земельных отношений. Спецификой регионального землепользования стали: в 1920-е гг. – преобладание общинного землепользования, активное использование арендных отношений разными слоями населения, замедленное развитие землеустроительных процессов, связанное с исторически сложившимся захватно-подворно-родовым землепользованием, отсутствием агрономических кадров, раскиданностью и труднодоступностью осваиваемых территорий; в конце 1920-1930-е гг. – активное освоение территорий и смена землепользователей в рамках переселения, раскулачивания и коллективизации. В целом процессы землеустройства способствовали расширению деятельности коллективных хозяйств, усилению социальной напряженности и становлению государственного контроля над жизнью в деревне.

Список источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-46. Оп. 1.
2. ГАИО. Ф. Р-440. Оп. 1.
3. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 422. Оп. 1.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 16. Оп. 1.
6. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 7.
7. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15.
8. ГАНИИО. Ф. 154. Оп. 1.
9. Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.) / отв. ред. А. Московский. Новосибирск: Наука, 1973. 518 с.
10. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 319 с.
11. Донченко О. Н. Трансформация сибирского крестьянского семейного хозяйства в 1920-1930-е гг. (на примере Иркутской губ.) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4 (56). Ч. 1. С. 65-69.
12. Закон о трудовом землепользовании Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1922. № 36. Ст. 426.
13. Земельный кодекс РСФСР: утвержден Постановлением ВЦИК от 30 октября 1922 г. «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на IV сессии IX созыва» // СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
14. Ильных В. А. Землеустройство в Сибири в условиях нэпа: выбор оптимальной формы // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 70-76.
15. Ильных В. А. Проект аграрной колонизации Сибири 1927 г. в XX в. // Проекты освоения и развития Сибири в XX веке: сб. науч. тр. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. С. 163-202.
16. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917-1937 гг. / отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.
17. Максимова О. Д. Разработка и принятие общих начал землепользования и землеустройства Союза ССР и союзных республик 1928 г. // Аграрное и земельное право. 2014. № 4. С. 7-12.
18. Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. Орел: Народный комиссариат земледелия, 1919. 16 с.
19. Северьянов М. Д. Государственная земельная политика в Сибири в 20-80-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 82-86.
20. Степичев И. С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. 742 с.

LAND POLICY AND LAND MANAGEMENT REALIZATION IN THE EAST SIBIRIAN REGION IN THE 1920-1930S

Tsubikova Lyubov' Sergeevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Angarsk State Technical University
lkor11@mail.ru

The article considers land policy and land management in the East Siberian region in the 1920-1930s. The paper discovers the peculiarities and problems of land relations transforming in this region, identifies the stages and measures of land reform, describes the development of lease relations, and tackles the problems of land reclamation during resettlement. The author concludes that land management processes promoted collective farms' activity, contributed to social tension aggravation in the countryside and state control strengthening over the rural life.

Key words and phrases: land management; land policy; collective farms; agriculture; peasantry; East Siberian region.